

ОБРАЗ НЕМЦА КАК ПРОТИВНИКА В СОЗНАНИИ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П. Г. КУЛТЫШЕВ

*Педагогический институт
Южного Федерального
университета*

Данная статья написана в русле военно-исторической антропологии и посвящена анализу особенностей восприятия немцев как врагов в сознании офицеров русской армии в период первой мировой войны. Вместе с тем автор выявляет роль данного процесса на массовое сознание русского офицерства.

Ключевые слова: военно-историческая антропология, образ противника, массовое сознание офицеров русской армии, первая мировая война.

Восприятие врага является важнейшим элементом сознания солдат и офицеров в период ведения войны. Именно от отношения к врагу проистекает стойкость сопротивления, жажда победы и ярость атаки. Враг в сознании защитников страны, обязательно должен быть жесток, коварен, глуп, труслив – он оборотная сторона всех положительных качеств, приписываемых «своим». Благодаря этому складывается необходимое для победы психологическое превосходство «своих» над «чужими». Более того, по мнению Е.С. Сенявской, «врага нужно и можно убивать, потому что он как бы изначально выносится за рамки категорий, на которые распространяются» нормы моральной и религиозной этики¹. При этом нельзя ни добавить, что убийство врага не должно само по себе вызывать каких-либо угрызений совести, потому что он реальная угроза для семьи, родины, собственной жизни – для всего, что дорого простому человеку. Если же подобные мотивы и отношения в сознании солдат и командного состава будут нивелированы, ослаблены или утрачены, то война может оказаться невыполнимой задачей, поскольку массовое убийство человеком себе подобных противоречит всем нормам человеческой морали и здравой психики.

Но если коллективные представления солдат о неприятеле принято именовать «образ врага», то для сознания офицеров (вследствие их специфического отношения) более верным и приемлемым на наш взгляд может стать обозначение «образ противника». Изначально, понятие «враг» несет в себе глубинную эмоциональную нагрузку и означает крайнюю степень непримиримости (доходящую до жестокости) по отношению к агрессору. Такая позиция типична для архаичного сознания рядовых солдат, вышедших из крестьянской среды. Понятие «противник» (или его эквивалент «неприятель») обладает как определенным запасом нетерпимости, так и долей уважения к противной стороне. Противник – это субъект, в силу определенных обстоятельств, оказавшийся на другой стороне. Противник – это скорее соперник, конкурент. Ведь не случайно существует выражение «достойный противник», а «достойный враг» – нет. Враг всегда чужой и непонятный, он не обладает ни одним из достоинств, он совокупность грубости и всего негативного. Противник же отчасти «свой, но другой», он понятен и предсказуем, может вызывать не только холодное уважение, но и восторженное восхищение своим превосходством.

Вместе с тем на образ противника оказывали влияние и другие факторы. В силу своего уровня культуры и образования, офицеры по иному трактовали события войны и ее атрибуты. Для них были важны численные, военно-стратегические и тактико-технические показатели противника. А поэтому, их восприятие неприятеля отличалось преобладанием абстрактно-аналитической составляющей их сознания. Данная тенденция усиливалась, если офицер служил в отдалении от фронта и был знаком с войной лишь по спискам погибших, передвижению войск и прочей стати-

¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 21.

стико-стратегической информации. Как заметил известный философ Ф.А. Степун, бывший в годы войны офицером артиллерийской батареи: «Всюду (в штабе – П.Г.) схема, цифра, отвлечённая динамика наступления и отступления, доблестное дело, за которым не чувствуется уныния осенних дождей в размытых окопах, никогда не просыхающих ног, вшей, тоски по мирной жизни, холодящего душу предсмертного страха...»². Таким образом штабной офицер как бы частично лишился той эмоциональной нагрузки, которую давал опыт по прямому участию в войне. Но чем ближе пролегала кроваво-огненная полоса военных действий, четко делившая людей на «своих» и «чужих», тем острее в сознании офицеров звучал конфликт эмоционального и рационального начал. Сформировать образ будущего противника и обострить чувство национального самосознания была призвана идеологическая подготовка общества к предстоящей войне.

Работа по определению будущего неприятеля в преддверии большой европейской войны велась на уровне военно-политической элиты, начиная с конца XIX века. Историк Е.Ю. Сергеев в своей статье выделяет три этапа по формированию представлений о «внешней угрозе» с Запада³. На первом этапе (1898-1905) основным соперником России в силу преобладания восточноазиатского направления во внешней политике была Великобритания и ряд других островных государств, не доступных для сухопутных сил русской армии. Германия и Австро-Венгрия рассматривались скорее как потенциальные противники Российской империи в Центральной Европе и на Балканах⁴. Второй этап (1906-1910) можно охарактеризовать как начало по смене внешнеполитических ориентиров. Если Великобритания как неприятель отходила на второй план, то роль Германии и Австро-Венгрии наоборот возрастала. И как справедливо замечает автор статьи: «На смену «династической солидарности» в Европе окончательно пришли национальные интересы...»⁵. Заключительный этап (1911-1914), стал окончательной точкой в расстановке внешнеполитических приоритетов, проявившихся с новой силой уже в первой мировой войне⁶.

Таким образом, за шестнадцать предшествующих лет, российская внешнеполитическая элита прошла долгий путь от соперничества с Великобританией к открытому противостоянию с Германией. Но нерешительность позиции, путаная игра на оба лагеря и слабая, запоздавшая идеологическая подготовка общественного мнения существенным образом сказались на сознании основных участников будущей войны – офицеров и солдат.

С началом войны ежедневный контакт русского офицера с неприятелем должен был привести к четкой фокусировке образа противника. Но этого не произошло. В большинстве использованных источников их авторы воздерживаются от подробной характеристики неприятеля обычными «человеческими» качествами. В их сознании противник крайне абстрактен и выступает в большей степени, как противоборствующая сторона, облаченная в военно-стратегические и тактико-технические понятия. Помимо этого ни один из европейских противников не вызывал у офицеров в массовом порядке ни гнева, ни злости. В ряде воспоминаний можно подметить отчасти спокойное, терпимое отношение к неприятелю, ставшему таковым лишь по воле сильных мира сего. При этом многие из офицеров русской армии сами были либо немцами, либо имели их среди своих знакомых и родственников. О численности немцев в русской армии накануне первой мировой войны есть весьма информативная статья А.А. Меленберга, и повторять её основные положения не имеет смысла⁷. Однако обращает на себя внимание тот факт, что на 15 апреля 1914 года (то есть за

² Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 305.

³ Сергеев Е.Ю. Военно-политическая элита Российской империи о «внешней угрозе с Запада» накануне Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2000. № 5.

⁴ Там же. С. 200-201.

⁵ Там же. С. 221-222.

⁶ Там же. С. 222-223.

⁷ Меленберг А.А. Немцы в российской армии накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 10.

два месяца до начала войны) среди 169 генералов немцев было 28,4 %, среди генерал-лейтенантов – 19,7 %, а среди генерал-майоров – 19 %⁸. Одни из них уже окончательно обрусели, другие же продолжали оберегать свою национальную идентичность. Так или иначе, но немецкая прослойка была одной из самых многочисленных в русской армии, выделяясь не только своими непривычными фамилиями, но и преемственностью несения службы в армии. Среди немецкого дворянства традиция из поколения в поколение служить в русской армии закрепилась ещё со времён Петра I. К началу первой мировой войны уже несколько десятилетий существовали известные военные династии, подарившие России видных военачальников. В годы войны число носителей немецких фамилий (а именно этот показатель являлся наиболее заметным и отличительным) доминировало в большей степени на уровне командующих корпусов и дивизий. К этому необходимо так же добавить, что для выходцев из дворянской среды немецкая культура была во многом если и не родной, то понятной и близкой. Знание немецкого языка наряду с другими европейскими языками считалось обычным явлением. Немаловажным фактором были и родственные узы дома Романовых с княжескими династиями Германской империи. Вместе с этим воспитание будущих офицеров в кадетских и юнкерских училищах велось на основе почти «рыцарского» кодекса поведения. Его основой был «Наказ русской армии о законах и обычаях сухопутной войны». В нем говорилось следующее: «Воюешь с неприятельскими войсками, а не с мирными жителями. Рази врага в честном бою. Безоружного врага, просящего пощады не бей. Уважай чужую веру и её храмы. Когда окончилось сражение, раненого жалей и старайся по мере сил помочь ему, не разбирая – свой он или неприятельский»⁹. Такие наставления идеализировали в сознании офицеров не только саму войну, но и отношения между представителями враждующих армий. В результате успехи немецкой армии рождали в сознании офицеров не только уважение, но даже и почтение к неприятелю. Данная тенденция весьма благородная и гуманная была опасна, поскольку нельзя победить противника, к которому испытываешь пиетет, тем самым не замечая его слабых сторон. Излишняя недооценка силы противника так же вредна для армии, как и её возвеличивание.

Подобные настроения были характерны для многих офицеров независимо от их звания и должности. Так генерал А.А. Брусиллов заявляет, что «немецкий солдат – следовательно, народ – достоин всеобщего уважения»¹⁰. Более того, по свидетельству князя А.В. Романова русские офицеры в честь погибшего сына Вильгельма II «носили на левой руке траур»¹¹. Уважение к противнику можно найти в воспоминаниях других офицеров. Так, штабс-капитан К.С. Попов подводя итог восторженному описанию немецких нравов, заключил: «...невольно проникаешься уважением к народу с таким твердыми и здоровыми традициями...»¹². Что же это были за «традиции»? Среди них автор упоминает обилие портретов кайзера Вильгельма II и всей царствующей династии и общую для всех немцев дисциплинированность. Иными словами всё то, что сливалось для штабс-капитана К.С. Попова в «один гимн Богу, Родине и императору»¹³. Более того, в данных словах заложен определённый смысл, заключающийся в том, что подобные качества германского народа, есть залог многочисленных побед их армии. По мнению поручика А.В. Орлова, именно потому, что в «Германии все были проникнуты и пропитаны военщиной» командирам и солдатам их армии удавались любые операции¹⁴.

⁸ Мелеберг А.А. Немцы в российской армии накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 128.

⁹ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 188-189.

¹⁰ Брусиллов А.А. Мои воспоминания. Минск, 2003. С. 93-94.

¹¹ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова // Октябрь. 1998. № 4. С. 143.

¹² Попов К.С. Воспоминания кавказского гренадера. 1914 – 1920. М., 2007. С. 43.

¹³ Там же.

¹⁴ «Хочется верить, но нечему... ». Странички из дневника Первой мировой // Родина. 2006. № 8. С. 71.

Не ускользала от взгляда офицеров и разница в быте, которая существовала между русскими и немцами. Входя в немецкий городок, на князя Г.К. Романова произвела впечатление его необыкновенная чистота и аккуратность¹⁵. А штабс-капитан К.С. Попов замечает, что весь путь по Восточной Пруссии они прошли «останавливаясь в прекрасных усадьбах, замках или чистеньких и маленьких деревнях»¹⁶. Генерал же В.И. Гурко позже признавался в своих мемуарах: «На меня произвели сильнейшее впечатление чрезвычайно высокие стандарты научного ведения сельского хозяйства, которые в Восточной Пруссии соблюдались повсеместно»¹⁷. А далее он подмечает богатство немецких крестьян, проистекавшее не только от их прилежания, но и от политики властей¹⁸. Такие картины, особенно по сравнению с русскими городками и деревнями изумляли ни разу не выезжавших за границу офицеров. Даже такая мелочь, как простая дешёвая немецкая сигара «свидетельствовала о таком уровне жизни, о котором не имели понятия в русской армии»¹⁹. Примечательно, что материальный и культурный уровень рядовых немцев изумлял не только ни разу не бывавших в Европе молодых офицеров, но и опытных генералов, для которых быт и нравы противника не должны были стать неожиданностью.

Но разница между двумя армиями заключалась не только и ни столько в наличии или отсутствии сигар. Немецкая армия была сильнейшим противником России на фронтах первой мировой войны. Её выучка и техническое оснащение, не шли ни в какое сравнение с армиями Турции и Австро-Венгрии. По словам генерала В.И. Гурко немецкая армия проявляла «достаточную напористость, а предприимчивость чувствовалась» даже в действиях небольших подразделений²⁰. В связи с этим интересна та эволюция, которая произошла в сознании поручика А.В. Орлова во взглядах на немецкую армию. Прибыв на артиллерийскую позицию в феврале 1915 года, он, описывая отношение своих сослуживцев к неприятелю, с некоторой долей иронии и недоверия замечает: «Против нас стоят германцы, к которым все относятся с большим уважением, то есть побаиваются»²¹. Но спустя всего четыре дня тон его записей кардинально меняется: «...германского военного, да пожалуй и промышленного могущества нам не сломить...»²². А по прошествии ещё трех месяцев в его дневнике можно встретить следующие строки: «...немцы победили всех, и, если можно ещё их одолеть, то отнюдь не войсками, а голодом»²³. Несмотря на это русские офицеры совершали иногда по истине героические поступки, пытались противопоставить немецкому техническому превосходству свою доблесть и отвагу. Однако с каждым очередным отступлением перед немецкой армией в сознании офицеров складывалось представление о непобедимости противника. Штабс-капитан К.С. Попов в своих воспоминаниях несколько раз фиксирует подобную мысль после каждого успешного для противника столкновения²⁴. Можно предположить, что подобная репрезентация неприятеля являлась сиюминутным откликом на его наиболее яркие победы. Однако чем чаще германская армия наносила поражения русской, тем твёрже и непоколебимей было мнение офицеров о непобедимости немцев. При этом сильные стороны немецкой армии были заметны ещё в начальный момент первого вторжения русской армии в Восточную Пруссию. Так генерал В.И. Гурко впоследствии вспоминал: «...наш

¹⁵ См.: Гавриил Константинович В мраморном дворце. Мемуары. М., 2001. С. 224.

¹⁶ Попов К.С. Указ. соч. С. 33.

¹⁷ Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914 – 1917. М., 2007. С. 53.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ Литгауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911 – 1920. М., 2006. С. 140.

²⁰ Гурко В.И. Указ. соч. С. 51.

²¹ «Хочется верить, но нечему...». Странички из дневника Первой мировой // Родина. 2006. № 7. С. 73.

²² Там же. С. 74.

²³ «Хочется верить, но нечему...». Странички из дневника Первой мировой // Родина. 2006. № 8. С.69.

²⁴ См.: Попов К.С. Указ. соч. С. 21, 42.

первый поход в Восточную Пруссию убедительно показал, с какой тщательностью германцы готовились к войне. Они всё продумали, всё предусмотрели...»²⁵. Особенно выгодно в сознании офицеров смотрелась немецкая армия в сравнении с русскими войсками. Поручик А.В. Орлов, размышляя над силой немецкой армии, с негодованием писал: «...но самая истина та, что немцы сильнее нас, что войско их лучше и храбрее, а про организацию и говорить нечего»²⁶. В то время, когда русские солдаты «спят и ходят (в окопах – П.Г.), как сонные мухи... каждый немец с лопаточкой в руках всё время возится, что то ковыряет»²⁷. И данное мнение не единично. Многие офицеры, признавая за русским солдатом ряд положительных качеств, говорили: «Все-таки австрийцы и немцы куда культурнее русского воинства»²⁸. Аналогичные строки можно встретить и в мемуарах Р.Р. фон Раупаха. Не раз, отмечая лучшие стороны русского солдата, он фактически перечеркивает их одной фразой: «Уже с самого начала войны было очевидно, что культурный уровень нашей армии значительно ниже германского»²⁹. Подобный взгляд на свою и вражескую армии ведёт в сознании офицеров к весьма важным результатам: армия неприятеля удостоивается порой абсолютно беспочвенного восхваления и культурного превосходства, в то время как «родной» солдат лишается всех признаков цивилизованного человека, превращаясь в серую безликую массу. Русские офицеры, занимавшие в соответствии с государственной идеологией роль «армейских отцов-господ» и до войны относились к солдату без должного человеческого уважения. После же их столкновения с бытом и нравами немецкой армии и общества, офицеры и без того смотревшие на солдат свысока, ещё больше ощутили ту социально-культурную пропасть, которая разделяла солдат и офицеров. А солдаты в свою очередь стали с ещё большей подозрительностью смотреть на офицеров с немецкой фамилией и обвинять их в измене. Возникает впечатление, будто русские офицеры стыдились своих солдат и не желали замечать тех изменений, что происходили в их среде. Ведь как верно отметил В.П. Булдаков: «...истинный аристократ «не слышит» разговоров лакеев между собой...»³⁰. Культурное и военное превосходство противника (иногда надуманное и необоснованное) самым негативным образом сказалось на состоянии офицерского корпуса русской армии и на его взаимоотношениях с рядовыми солдатами.

Таким образом, образ противника, сформировавшийся в сознании офицеров русской армии, изначально обладал рыхлой и слабой структурой. Это объясняется не только плохо скоординированной политикой в сфере идеологии, но и чисто психологическими факторами в массовом сознании офицеров. Помимо того, что многие из них носили немецкие фамилии или были в родстве с немцами, они воспитывались в духе благородного рыцарства, привыкая проявлять великодушие к противнику. Они не видели в немцах непримиримых врагов, но видели в них высококультурную нацию, стоящую на недостижимой ступени развития. Немец был для них скорее соперником, у которого стоило учиться и перенимать всё самое лучшее. В результате массовые представления офицеров о неприятеле сложились в яркую и многогранную картину, в которой были глубокое уважение и неоправданное возвеличивание, гуманность и желание быть не хуже. Но данная специфика офицерского восприятия немцев самым негативным образом отразилась на их отношении к собственным солдатам. Пустое восхваление и чрезмерное почтение к противнику усугубили и усилили в сознании офицеров их высокомерное отношение к солдатам. Армия ещё задолго до Февраля 1917 года перестала быть единым организмом, а оказалась в центре внутренних разрушающих противоречий.

²⁵ Гурко В.И. Указ. соч. С. 49.

²⁶ «Хочется верить, но нечему...». Странички из дневника Первой мировой // Родина. 2006. № 8. С. 69.

²⁷ Там же. С. 74.

²⁸ Оськин Д. Записки прапорщика // Откровенные рассказы. М., 1998. С. 240.

²⁹ Раупах Р.Р. фон *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 173.

³⁰ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 121.

IMAGE OF A GERMAN AS AN ENEMY IN PERCEPTION OF RUSSIAN OFFICERS IN WORLD WAR I

P. G. KULTYSHEV

*Pedagogical Institute
of South Federal University*

This article is written within the framework of military and historical anthropology. It is devoted to analysis of the image of Germans as enemies in perception of officers of the Russian army in World War I. At the same time, the author researches the impact of this process on the mass consciousness of Russian officers.

Key words: military and historical anthropology, image of an enemy, mass consciousness of officers of Russian army, World War I.